

денег Виленского училища для нужд Смоленского кадетского корпуса. Чтобы не платить почтовому ведомству за перевод, Совет обратился к Ф.А.Голубцову с просьбой отпустить деньги из Смоленской казенной палаты; 31 декабря 1808 г. согласие было получено. Однако в Смоленске не было серебряных денег, поэтому необходимую сумму предлагалось выплатить ассигнациями по курсу. С учетом «лажа» за 10 905 руб. серебром получалось 21 591 руб. 90 коп. ассигнациями. В марте 1809 г. В.К.Кетлер получил эти деньги из Смоленского казначейства [4, л. 3–21 об., 25]. В результате, Виленское военное шляхетное училище окончательно вошло в состав бывшего Шкловского корпуса.

Таким образом, создание Виленского военного шляхетного училища было обусловлено наличием финансовых средств Образовательной комиссии Речи Посполитой. Несмотря на желание российских властей организовать Виленское училище по образцу и подобию столичных кадетских корпусов, оно имело существенные отличия. Учебная программа была простой, с языковедческим и математическим уклоном. В училище принимались преимущественно уроженцы Литовской (после ее раздела – Виленской и Гродненской) губернии. Воспитанники из других белорусских губерний или иных мест принимались в порядке исключения.

Реформа военного образования начала XIX в. преопределила судьбу Виленского училища. Не-

смотря на желание белорусской шляхты сделать складку на это учебное заведение, в 1805 г. по «Плану военного образования» его было решено ликвидировать. Определенную негативную роль в судьбе училища сыграло отсутствие собственных помещений. В связи с реорганизацией Виленской главной школы в университет, ему были возвращены все ранее принадлежавшие здания. Отсутствие необходимых помещений в Гродно привело к дальнейшему переводу объединенных Гродненского кадетского корпуса и Виленского военного училища в Смоленск. В результате, на территории Беларуси не осталось ни одного из шляхетных училищ, основанных в конце XVIII в.

Литература и источники

1. Бригадин П.И., Лукашевич А.М. Военная школа в Беларуси, XVIII – первая четверть XIX в. – Минск, 2004.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 26, оп. 1/152, л. 615.
3. РГВИА. Ф. 327, оп. 1, л. 12.
4. РГВИА. Ф. 327, оп. 1, л. 50.

Поступила в редакцию 23.03.2005.

Лукашевич Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

The article is devoted to the history of the Vilno military nobiliary school. In it the conditions of creation, activity and liquidation of the school are analyzed, the essence and specificity of educational process is specified. The author comes to a conclusion, that, despite attempts of the Russian authorities to unify preparation of the future officers, the Vilno military nobiliary school preserved essential differences.

УДК 930.1

А.В.Демидович

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XVI века В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ второй половины XIX – начала XX вв.

В статье рассматривается аграрная политика правительства ВКЛ XVI в. в освещении российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. В частности, приводятся утверждения российских ученых о последовательности и преемственности аграрных мероприятий правительства ВКЛ на протяжении XVI в., тесной связи аграрной политики в ВКЛ с западноевропейской экономической конъюнктурой.

Хозяйственные изменения, происходившие в Великом княжестве Литовском на протяжении XVI в., влекли за собой возникновение новых социальных отношений и непосредственным образом способствовали формированию ренессансной культуры. Большое влияние на социально-экономическое развитие ВКЛ оказала проводимая великокняжеской администрацией аграрная политика. В российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. одно из ключевых мест занимает изучение роли и влияния аграрной по-

литики правительства на развитие хозяйственной жизни государства.

В российской исторической науке до середины XIX в. вопросы экономического развития ВКЛ специально не исследовались. В 1840 – 1850-х гг. отдельные стороны хозяйственной жизни рассматривались в непосредственной связи с изучением истории русского права, происхождения крепостного права, политической или религиозной жизнью княжества, да и то в основном в контексте с историей Московского или Польского государств. В этом отношении некоторых проблем экономического развития княжества незначительно коснулись исследования В.Н.Татищева, М.М.Щербатова, Н.М.Карамзина, И.Эверса, Н.А.Полевого и др. Необходимо отметить, что на данном этапе исследований изуче-

ние источников экономической жизни ВКЛ только начало формироваться.

Социально-экономические процессы, происходившие в России в середине XIX в., обусловили огромный интерес исторической науки к проблеме возникновения крепостного права, что повлекло активное изучение исследователями хозяйственной жизни княжества. В российской историографии до середины XIX в. господствовало мнение, что единственным основанием прикрепления крестьян явилась воля законодателя. Такое мнение впервые было высказано В.Н.Татищевым, и к нему присоединились Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев, Б.Н.Чичерин, Д.И.Иловайский, С.Ф.Платонов, В.И.Сергеевич и др. Сторонники «указного» закрепощения крестьян стремились изобразить возникновение крепостного права не как результат политики дворянского сословия, а как потребность и необходимость всего государства.

После реформы 1861 г. в российской историко-юридической литературе под усиливающимся влиянием идей либерализма отмечалась борьба двух теорий: юридической и экономической. Сторонники экономической теории М.П.Погодин, М.А.Дьяконов, В.О.Ключевский и др. отвергли утверждение о законодательном характере прикрепления крестьян и выдвинули на первый план экономический фактор.

Во второй половине XIX в. центром изучения хозяйственной истории ВКЛ становится Киевский университет. Ученые киевской школы, начиная с Н.И.Костомарова, В.Б.Антоновича, М.Ф.Владимирского-Буданова и его учеников М.А.Максимейко, И.А.Малиновского, Н.Г.Демченко и др., видели исторический процесс не в развитии государства, а в жизни и деятельности народа как главного творца истории, что и обусловило первоочередной интерес к изучению вопросов хозяйственной жизни.

Монографическое изучение хозяйственной жизни ВКЛ развивалось очень медленно. Первую фундаментальную работу написал Ф.И.Леонтович «Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV – XVI вв.» (Киев, 1863). Исследование Ф.И.Леонтовича позволяет ясно представить юридическое положение крестьянского населения главным образом на основании законодательства трех литовских статутов [1]. Монография М.В.Владимирского-Буданова «Немецкое право в Польше и Литве» (СПб., 1868) основательно затронула аграрные отношения в ракурсе изучения истории распространения и влияния немецкого права. Благодаря исследованиям Ф.И.Леонтовича и М.В.Владимирского-Буданова была выяснена экономическая и юридическая сущность сельской общины, повинностные и податные отношения ее совладельцев, а также ее структура и социальный состав. Учеными была поставлена проблема разложения общинного землевладе-

ния, как в смысле исследования самого процесса, так и в смысле выяснения его причин и последствий. При этом М.В.Владимирский-Буданов считал, что последствия немецкого права, поставившие сельскую общину в бесправное положение и искусственно отделившие ее от города, привели к процессу закрепощения крестьянства. Ученый, исходя из позиций отрицания феодализма в ВКЛ, видел причину разрушения сельских общин в негативном влиянии немецкого права в форме волочной померы и магдебургского права [2, с. 285–289].

В дальнейшем выходят труды В.Б.Антоновича «Очерк истории Великого княжества Литовского» (Киев, 1878), «Монографии по истории Западной и Юго-Западной России» (Киев, 1885), С.А.Бершадского «Русско-еврейский архив» (СПб., 1882), М.В.Владимирского-Буданова «Поместья Литовского государства» (Киев, 1889), «Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI века» (Киев, 1892), Н.П.Дашкевича «Заметки по истории Литовско-Русского государства» (Киев, 1885), Н.В.Иванишева «О древних сельских общинах в Юго-Западной России» (Киев, 1876), И.П.Новицкого «Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России XV – XVIII вв.» (Киев, 1877) и др.

Центральное место в исследованиях хозяйственной жизни ВКЛ в российской историографии 1860–1880-х гг. занимало изучение вопроса эволюции сельской и городской общин. Многие положения вышеназванных исследователей надолго утвердились в российской историографии. Главная заслуга первопроходцев изучения хозяйственной жизни ВКЛ заключается в видении и постановке проблемы разрушения старинных форм социально-экономических отношений в ВКЛ в начале XVI в.

Новым шагом в изучении хозяйственного развития ВКЛ явились исследования М.К.Любавского. Исследователь выделил изучение социально-экономической истории княжества в отдельную область исследований, ученому также принадлежит приоритет в постановке проблемы аграрной политики ВКЛ. В монографии «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М., 1892) историк на материале Литовской метрики рассмотрел аграрную деятельность органов центральной власти во главе с великим князем и провинциальной администрацией.

Изучив состав и структуру господарских дворов, юридическое и повинностное положение сельского и городского населения в дореформенный период, ученый обратил внимание на следующие обстоятельства:

1. Аграрная политика правительства в начале XVI в. отправлялась «от старины», т. е. не определялась какими бы то ни было планами. Прак-

тически вся хозяйственная деятельность сводилась к систематическому сбору податей и контролю за выполнением повинностей населением.

2. В условиях натурального хозяйства города окончательно не выделились из волости, при этом в восточных областях государства такая тенденция только намечалась.

3. Хозяйственный уклад восточной части ВКЛ по своей экономической структуре резко отличался от западных областей страны. В то время как в западной части уже в начале XVI в. сельское хозяйство было преобладающей формой деятельности, главным занятием населения восточных областей был промысел [3, с. 436].

Социально-экономическое направление истории ВКЛ в российской историографии, начавшее формироваться в начале 1890-х гг., в дальнейшем выходит на стадию активной разработки и представляется трудами таких ученых, как Ф.И.Лентович «Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве» (СПб., 1896), «Областное управление в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии» (Ярославль, 1910), Н.Г.Бережков «Устава замков, держав, и дворцов Сигизмунда-Августа, предшествующая волочной уставе» (СПб., 1911), М.С.Грушевский «История Украины-Руси» (Киев, 1907), «Пинское Полесье в XIV–XVI вв.» (Киев, 1909), М.В.Довнар-Запольский «Западно-русская сельская община в XVI веке» (СПб., 1897), «Берестейское староство в XVI веке» (Киев, 1898), «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (Киев, 1901), «Очерк истории западно-русского крестьянства в XVI веке» (Киев, 1905), И.И.Лаппо «Великое княжество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория» (СПб., 1901), М.К.Любавский «Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910), В.И.Пичета «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (М., 1917) и др. Важно заметить, что в данное время вышли в свет публикации новых исторических документов Петербургской, Виленской, Киевской археографических комиссий и т. д. Особое значение имеет опубликование Архивом Министерства юстиции «Литовской метрики» под редакцией М.В.Довнар-Запольского (1897).

Первым актом, которым правительство попыталось урегулировать дворовое хозяйство, по мнению российских исследователей второй половины XIX в., явилась устава 1514 г. На основании огромного архивного материала ученые приходят к следующему заключению: устава 1514 г. в своей основе исходит из принципа «старины не рушить, новизны не вводить». Однако М.К.Любавским было замечено, что практически правительство нарушило старину, так как без этого было невозможно проводить новую хозяйственную полити-

ку. В исследованиях В.И.Пичеты этот документ был детально изучен. Историк выделил ряд новшеств, внесенных в хозяйственную жизнь этой уставой, которая, во-первых, ставит господарское хозяйство под непосредственный контроль центральной администрации, определяя и ограничивая деятельность местных наместников; во-вторых, предписывает увеличение дворовой пашни и ее интенсивную эксплуатацию; в-третьих, стремится к рациональному использованию рабочей силы двора [4, с. 585].

Возникновение многочисленных недоразумений между наместниками и сельским населением по поводу плат и повинностей, перевода последних в новое юридическое положение, по мнению историков, вызвало необходимость создания более детальной хозяйственной уставы 1529 г. Исследователи указали на сходство устав 1514 и 1529 г., считая, что устава 1529 г. также занята, но только более детальной регламентацией господарского хозяйства, направленной к поднятию доходности и производительности господарских дворов, но не прикасается к существующим земельным отношениям, не затрагивает «старины». Однако М.В.Довнар-Запольский, а затем более отчетливо В.И.Пичета заметили в уставе 1529 г. не только более полную и систематическую инструкцию ведения великокняжеской аграрной политики, но и попытку приспособиться к новым возникающим хозяйственным условиям, связанным с формированием товарно-денежного рынка. В подтверждение своего вывода В.И.Пичета привел ряд отличительных черт между двумя уставами:

1. Устава 1514 г. заботилась только о том, чтобы не пропадали господарские доходы. Устава 1529 г. решает вопросы об увеличении доходности хозяйства, что совершенно изменяет смысл и значение дворового хозяйства как самостоятельного целого.

2. Устава 1529 г. требует более рационального использования рабочей силы, что приводит к увеличению численности тяглого населения.

3. Устава 1529 г. детально определяет повинности и платы сельского населения в господарский скарб и переводит, если это только возможно, натуральные подати в денежные.

4. Устава 1529 г. в отличие от прежней уставы предоставляет наместникам определенную долю самостоятельности в ведении дворового хозяйства [4, с. 245–258].

Устава 1529 г. не вполне отвечала требованиям рынка и новым хозяйственным отношениям. Эти причины побудили правительство издать «Наказ старостам и державцам». Относительно времени его опубликования в исторической литературе существует разногласие. Так, например, М.В.Довнар-Запольский считает возможным отнести опубликование «Наказа» к пореформенной эпохе [5, с. 102]. Н.Г.Бережков, указывая на близость «Наказа» к

уставе 1529 г. и на полное его противоречие с духом устава 1557 г., считает его появление дореформенным [6, с. 45]. В.И.Пичета считал предположение Н.Г.Бережкова более правильным и в дополнение подчеркнул в «Наказе» очень важную черту, которая, по его убеждению, делает очередной шаг в аграрной политике: «Наказ, пересматривая платы осадного населения, требует брать плату в зависимости от качества почв и материального состояния подданного – предписание, совершенно незнакомое уставу 1529 г.» [7, с. 103].

Необходимо отметить тот факт, что значительная часть российских исследователей до 1890-х гг., видели причину проводимых хозяйственных мероприятий во внешнеполитическом факторе, что было вызвано острой необходимостью пополнения господарского скарба в условиях многочисленных военных конфликтов. Качественно новой точкой зрения на эту проблему явились исследования М.К.Любовского, М.В.Довнар-Запольского, В.И.Пичеты и др. В хозяйственных уставах вышеназванные исследователи видели планомерную аграрную политику, которая была направлена на постепенное преобразование всей хозяйственной жизни страны. Хозяйственные нововведения, по мнению историков, были обусловлены не только внешнеполитическими обстоятельствами, но и, в большей степени, экономическими закономерностями.

Историки социально-экономического направления рассматривали происходившие хозяйственные преобразования в ВКЛ в непосредственной связи с изменениями экономической конъюнктуры западноевропейского рынка. М.К.Любовский первым в российской историографии отметил тенденцию увеличения спроса в Западной Европе на литовско-польское сырье, что вызвало, по его мнению, у правительства стремление интенсифицировать дворовое хозяйство [3, с. 263]. М.В.Довнар-Запольский обратил внимание исследователей на изменение внешнеторговых путей в связи с политическими и экономическими обстоятельствами. Историк на примере г. Берестье наглядно показал оживление хозяйственной жизни княжества в связи с развитием западного направления торговли [8, с. 59]. Подобного взгляда придерживался М.С.Грушевский, обстоятельно исследовавший причины упадка южного торгового пути и указавший на далеко идущие последствия для экономики страны изменений внешнеторговых ориентаций [9, с. 328–334]. В.И.Пичета разделил утверждение польского исследователя А.Шелоговского о роли западноевропейской торговой конъюнктуры и влиянии революции цен на хозяйственную жизнь Польши и Литвы. Исследователь непосредственным образом связал начало аграрных преобразований в ВКЛ с формированием капиталистической системы хозяйства в Западной Европе [4, с. 426].

По мнению историка, изменение экономической конъюнктуры Западной Европы вызвало не только перестройку торговых направлений ВКЛ, но и привело к структурному изменению ведения сельского хозяйства государства: «Конец XV века являлся переломным моментом в организации хозяйства Литовско-Русского государства в связи с увеличением спроса на сырьевые продукты на внешнем рынке. Начиная с Устава 1514 г. господа и феодалы осуществляли свои мероприятия по реорганизации хозяйства с целью усиления его производительности, которые продолжились Уставом 1529 г., затем Наказом старостам и державцам, реформой королевы Боны и, наконец, проведение землеустроительной политики закончилось аграрной реформой 1557 г.» [4, с. 473].

Кроме хлеба, видное место в экспорте занимал лесной материал. Как отмечал М.В.Довнар-Запольский, с целью упорядочения лесной торговли и получения прибыли для господарского скарба в 1547 г. была введена монополия лесного торгова и проведена реорганизация лесного дела, нашедшая выражение в описании господарских пуш 1559 г. и Кнышинской лесной уставе 1567 г. Продолжая исследования историка киевской школы, В.И.Пичета заметил, что перелом в лесной хозяйственной политике совпал с проведением аграрной реформы. Цели лесной уставы вполне соответствовали основным принципам устава на волоки, и ее следует считать прямым дополнением к аграрным мероприятиям [10, с. 361].

Перестройка хозяйства с целью ориентации на западный рынок, по мнению исследователей, привела к изменению форм феодального землепользования. «Объективные экономические условия создали новый вид условного землевладения – «доживотного», которое больше отвечало интересам землевладельцев в новых хозяйственных условиях... Однако интересы феодалов более удовлетворяло наследственное право на условное землевладение. В связи с этим появляется новая форма условного землевладения – «до двух животов» и т. д., создается новый порядок передачи земли по наследству, но без права ей распоряжаться. Но желания феодалов были направлены на превращение условного землевладения в «вечность». Эволюция условного землевладения свидетельствует об отмирании этого земельного института, как устаревшей формы земледержания, поскольку она не отвечала интересам феодалов в условиях наступления новых экономических отношений в государстве» [4, с. 491].

Систематические попытки создать новые формы землепользования и землевладения в ВКЛ, по мнению российских исследователей второй половины XIX – начала XX вв., были предприняты королевой Боней в течение 1552 – 1555 гг. на территории Пинского и Клецкого княжеств.

Аграрные мероприятия королевы Боны впервые были скрупулезно исследованы в работах М.В.Довнар-Запольского. На основании Писцовой книги Пинского и Клецкого княжеств и других архивных источников исследователь пришел к следующим выводам:

1. Аграрная реформа королевы Боны являлась в некотором отношении аграрной революцией, насильственно разрывавшей со старинными формами землепользования и землевладения, уничтожавшей чересполосицу и незаконное владение землей, путем разрушения старого земельного строя с помощью введения волоки.

2. Устава королевы Боны, определяя повинностное и податное положение населения, учитывала качество почвы и считалась с наличием специальных разрядов населения.

3. Создание дворовой пашни выдвинуло вопрос об отказе от применения труда челяди невольной для ведения хозяйства и замену ее трудом тяглого крестьянства.

4. Проверка прав на землю королевы Боны задевала материальные и социальные интересы шляхетских и крестьянских слоев, вызывая общее недовольство, однако не вызвало нигде активного сопротивления. Это спокойное осуществление реформы оказало влияние на проведение Сигизмундом II общегосударственной аграрной реформы [8, с. 156–162].

Вывод о преемственности аграрных мероприятий королевы Боны Сигизмундом II нашел свое продолжение в исследованиях В.И.Пичеты: «Сравнивая приемы производства отмен и принципы обложения сельского населения в Пинском и Клецком княжествах и по волочной уставе 1557 г., можно установить их значительное однообразие» [11, с. 27].

Научное изучение аграрной реформы Сигизмунда-Августа зарождается в начале XIX в. в трудах польских ученых Т.Чацкого и Ю.Ярошевича. Однако в российской историографии возникла критика по поводу утверждений польских исследователей относительно размеров волоки и методов проведения реформы. Исследуя аграрную реформу 1557 г., российские исследователи второй половины XIX – начала XX в. выделили следующие основополагающие принципы аграрного мероприятия:

1. Целью реформы являлось повышение доходности и производительности господарского хозяйства, что предусматривало создание новых господарских фольварков.

2. Осуществление земельных мероприятий совершалось непосредственно под руководством великокняжеской администрации, которая стремилась централизовать хозяйственную деятельность наместников, предоставив последним определенную долю хозяйственной самостоятельности.

3. Повинностное и податное положение определялось в зависимости от количества и качества земли. При этом строго учитывалось деление сельского населения на определенные разряды.

4. Аграрная реформа направлялась на индивидуализацию владения землей, уничтожение общинного хозяйства, на уничтожение чересполосицы путем округления господарских имений.

5. Замена натуральных повинностей денежными ставила сельское население в непосредственную зависимость от внутреннего рынка.

На особое экономическое положение восточных областей ВКЛ в российской историографии первоначально было указано еще в первой половине XIX в. М.К.Любавский характерной особенностью восточного региона называл отсутствие частного и господарского фольварочного хозяйства. Это явление исследователь объяснял хозяйственным состоянием восточного края, при котором фольварок экономически был нецелесообразен. Важным отличительным признаком восточных областей, как констатировал исследователь, являлось существование местного самоуправления, игравшее важную роль в административной и судебной жизни восточных земель [3, с. 239]. Учитывая особенности экономической жизни восточных областей, как отмечал М.К.Любавский, великокняжеское правительство хозяйственные нововведения свело здесь лишь к установлению «платов и повинностей» и осуществило одновременно проверку прав на землю [3, с. 480].

Изучению хозяйственного уклада жизни населения восточных областей были посвящены исследования М.В.Довнар-Запольского. В събринной форме организации хозяйства исследователь усматривал зародыши общинных форм землевладения, но они, по утверждению историка, никогда не получали в ВКЛ признания, как это было в Московском государстве [5, с. 78–79]. Политическая обстановка и общая экономическая конъюнктура, по мнению историка, позволили перейти к проведению аграрной реформы в восточных областях только в начале XVII века [5, с. 248–251].

В.И.Пичета разделил ранее сделанные предположения М.В.Довнар-Запольского о том, что теоретическими принципами, положенными в основу проводимых аграрных мероприятий в первой трети XVII в., явились положения Бобруйской устави 1626 г. По убеждению ученого, Бобруйская устава представляла собой попытку организовать хозяйство в восточных областях на основе принципов устави 1557 г. Аграрные мероприятия, пришел к выводу исследователь, решали поставленные задачи, поднятые еще в начале 1560-х гг., однако содержали в себе более значительные по масштабам цели, значение которых заключалось в переходе на рациональные формы ведения хозяйства, создание в восточных областях фольварочного хозяйства [12, с. 145].

В российской историографии до исследований В.И.Пичеты проблема отношения различных слоев населения к проводимой аграрной реформе специально практически не рассматривалась. Историк на основании огромного архивного материала пришел к выводу о враждебном отношении средних и мелких слоев привилегированного населения к проводимой аграрной реформе. В.И.Пичета выделил в таком отношении следующие основные причины:

1. Аграрная политика правительства была направлена на округление господарских дворов, введение монополий на различные виды деятельности и предпринимательское хозяйство со стороны государства, чем и задела экономические интересы привилегированного населения.

2. Проверка прав на землю соединялась с проверкой прав на шляхетство, что существенно затрагивало интересы мелкой шляхты и высших слоев сельского населения.

3. Аграрная реформа привела к увеличению количества тяглого населения, посадив многие разряды свободного сельского населения на «тяглую службу».

На основании полученных результатов В.И.Пичета пришел к следующим выводам: 1) шляхетское недовольство имело серьезное политическое последствие, что привело к переходу шляхты на сторону унии с Польшей; 2) неточное соблюдение правил отмены явилось одной из причин образования безземельной и малоземельной шляхты; 3) количество свободного сельского населения в ходе аграрных мероприятий резко сократилось [11, с. 442].

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа, по мнению российских исследователей, весьма существенно коснулась и городов, особенно непривилегированных. Главным образом, аграрные мероприятия касались измерения городских земель и обложения их соответствующим налогом. Все натуральные повинности при этом заменялись денежными. Несмотря на то, что устава 1557 г. не распространяла своего действия на города с магдебургским правом, однако, как констатировал М.В.Довнар-Запольский, они все же подвергались волочному измерению. Делая вывод о влиянии аграрной реформы на хозяйственное развитие городов, М.В.Довнар-Запольский отметил следующее: «Производство аграрной реформы окончательно выделило городские общины из волостей, но это не говорит о промышленном росте того или иного места. Отсутствие ремесленных цехов указывает на слабую городскую промышленность, начавшую крепнуть только в конце века» [5, с. 338–341].

Подводя итоги аграрной политики ВКЛ XVI в., российские исследователи второй половины XIX – начала XX в. приходят к выводу, что аграрная политика, проводившаяся великокняжеской администрацией на протяжении XVI в. являлась пос-

ледовательной и преемственной. Тесные торговые связи ВКЛ с западноевропейским рынком и благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура создавали основательную почву для экономического расцвета государства. Аграрные мероприятия ставили главной целью увеличение производительности и доходности господарского скарба за счет создания новых и рациональной эксплуатации старых дворовых хозяйств. Волочное измерение господарских дворов способствовало упорядоченности повинного и податного положения сельского населения, приводило к индивидуализации ведения сельского хозяйства. Однако неблагоприятные политические условия не привели к предполагаемым результатам. В итоге вынужденной раздачи господарского земельного фонда огромное количество земли перешло в руки шляхты, что значительно ослабило великокняжескую власть в экономическом и политическом отношении и привело к заключению Люблинской унии.

Таким образом, подведя итог исследований российской историографии второй половины XIX в. – начала XX в. хозяйственной жизни ВКЛ XVI в., можно прийти к выводу, что исследование этой проблемы имело эволюционный характер и включало в себя несколько этапов. Первоначально до середины XIX в. вопросы хозяйственного развития княжества в российской исторической науке детально не исследовались, а частично рассматривались в непосредственной связи с политической или религиозной жизнью княжества, да и то в основном в контексте с историей Московского или Польского государств. В середине XIX в. изучение хозяйственной жизни ВКЛ активизировалось, и отмечалась борьба двух теорий: юридической и экономической по проблеме возникновения крепостного права. В это время центром изучения хозяйственной истории ВКЛ становится Киевский университет. Общие выводы российских историков относительно причин экономических преобразований сводятся главным образом к их объяснению внешнеполитическим фактором. Однако главная заслуга российских ученых на данном этапе исследований состоит в видении и постановке проблемы разрушения старинных форм социально-экономических отношений в ВКЛ в начале XVI в., что проявилось в распаде сельской общины и отделении города от волости.

Новым шагом в изучении хозяйственной жизни явилось формирование в 1890-е гг. социально-экономического направления, связанного с именами М.К.Любавского, Ф.И.Леонтовича, М.В.Довнар-Запольского, В.И.Пичеты и др. Исследователи этого направления рассматривали хозяйственные преобразования в ВКЛ в непосредственной связи с изменениями экономической конъюнктуры западноевропейского рынка. В хозяйственных мероприятиях XVI в. ученые усмотрели планомерную политику, в сущности своей направленную

на изменение всей структуры экономики страны. Необходимо выделить и тот момент, что в российской дореволюционной историографии был изучен в основном период до 1569 г. Итоги и результаты хозяйственных реформ практически не были исследованы.

Изучению послереформенного периода ВКЛ были посвящены труды В.И.Пичеты и созданной им в 1920-х гг. белорусской исторической школы. Важным результатом исследований в белорусской историографии явилось утверждение об эволюционном характере экономических преобразований в княжестве. Хозяйственные преобразования, произошедшие в XVI веке, способствовали, по мнению белорусских историков, скорейшему наступлению идей и представлений эпохи Возрождения в ВКЛ.

Надо отметить, что зарождение и становление социально-экономического направления в изучении истории ВКЛ происходило в условиях формирования и смены научных парадигм в российской и зарождающейся белорусской историографии, а в дальнейшем теоретико-методологический аспект кризиса был усугублен социальным, что естественно отразилось на ходе научных дискуссий по данной проблематике. Завершающий этап кризиса пришелся на 1920-е гг., когда уже сложились основные подходы в решении социально-экономических вопросов истории ВКЛ, но наступление марксистской идеологии в исторической науке поставило многие положения предшествующей историографии под сомнение.

УДК 946.7

А.К.Гецевич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ: историография и источники проблемы

В статье рассматриваются исследования отечественных и зарубежных авторов относительно проблемы деятельности польских политических партий и организаций в Западной Беларуси. Особое место занимает рассмотрение архивных материалов по теме.

Проблема основания и деятельности польских политических партий на территории Западной Беларуси в 1921 – 1926 годах ранее не являлась темой отдельного исследования, но связанные с ней вопросы рассматривались при изучении национально-освободительного, рабочего и революционного движений, деятельности Коммунистической партии Польши (КПП), Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ),

Литература

1. *Леонтович Ф.И.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV – XVI вв. – Киев, 1863.
2. *Владимирский-Буданов М.В.* Немецкое право в Польше и Литве. – СПб., 1868.
3. *Любавский М.К.* Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. – М., 1892.
4. *Пичета В.И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. – М., 1918.
5. *Довнар-Запольский М.В.* Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. – Киев, 1905.
6. *Бережков Н.Г.* Устава замков, держав и дворцов Сигизмунда-Августа, предшествующая «волочной уставе» // ЖМНП. – 1911. – № 5. – С. 99–105.
7. *Пичета В.И.* Наказ старостам и державцам и валочная устава // Копыцкий З.Ю., Королук В.Д., Улащик Н.И. Белоруссия и Литва 15 – 16 вв. – М., 1961. – С. 105.
8. *Довнар-Запольский М.В.* Берестейское староство в XVI ст. // Киевские университетские известия. – 1898. – № 2. – С. 5.
9. *Грушевский М.С.* Пинское Полесье в XIV – XVI вв. – Киев, 1909.
10. *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Киев, 1901.
11. *Пичета В.И.* Проверка прав на землю во владениях королевы Боны // Копыцкий З.Ю., Королук В.Д., Улащик Н.И. Белоруссия и Литва 15 – 16 вв. – М., 1961. – С. 27.
12. *Пичета В.И.* Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков // Копыцкий З.Ю., Королук В.Д., Улащик Н.И. Белоруссия и Литва 15 – 16 вв. – М., 1961. – С. 300–412.

Поступила в редакцию 01.06.2005.

Демидович Анатолий Викторович, преподаватель общественных дисциплин Лидского технического колледжа, аспирант кафедры всеобщей истории ГрГУ им. Янки Купалы. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А.Н.Печухрин.

The article reviews the problem of agrarian policy of the Grand Duchy of Litwa XVIth century as specified by Russian historiography in the second half of the XIXth century – early XVIth century.

Белорусской крестьянско-рабочей Грамады (БКРГ), Товарищества белорусской школы (ТБШ) и других организаций.

Историографию вопроса необходимо разделить на отечественную и зарубежную (польскую). Именно по этому принципу рассмотрим основные направления и достигнутые итоги исследований.

Первый этап в развитии отечественной историографии по проблеме – 20 – 50-е гг. прошлого века. В этот период рассматривались в первую очередь проблемы национально-освободительного движения в Западной Беларуси. Первые статьи и брошюры о деятельности КПЗБ и национально-